

КУРЬЕР КУЛЬТУРЫ

В Москву прилетел знаменитый английский режиссер Деклан Доннеллан, известный всему миру как мастер ставить все с ног на голову у Шекспира, Пушкина и прочих классиков. На этот раз он привез в столицу премьеру "Отелло", открывающую фестиваль его спектаклей. Свое первое интервью он дал обозревателю "МК".

Отелло — Нонсо Анози.

МЫ ПРОСТО ЗАЦИКЛЕННЫ...

— Удивляет только одно: вы, кто всегда избегает конкретных вещей в постановках, выбрали чернокожего, а не белого артиста. Цвет кожи имеет значение?

— У меня всегда была политика игнорировать цвет кожи артистов. В нашей стране это особенно важно, поэтому я старался не столько включать афроамериканских артистов в свою работу, сколько не исключать их. В нашем случае в "Отелло" есть, конечно, очень сильная тема расизма, именно поэтому мы и выбрали этого артиста. И, может быть, это единственная пьеса Шекспира, где я бы не хотел заниматься "слепым" кастингом, когда цвет кожи артиста не имеет значения.

— В треугольнике Яго—Отелло—Дездемона на ком смещен акцент?

— Я не мыслю такими терминами. Я думаю, что не Яго губит Отелло, Яго заставляет Отелло погубить себя самого. Я думаю, что в жизни вокруг нас очень много Яго, но мы же всегда недооцениваем друг друга. К тому же любой человек, работающий в большой организации, знает, что значит вовремя не повысить секретаршу и так далее. И конечно, масштаб того, что в итоге творит Яго, невероятный. Но его зависть и обида абсолютно рядовая, жизненная. И потом, я думаю, если Яго так ненавидит Отелло, значит, он его еще очень сильно любит: там, где великая любовь, там и великая ненависть.

— Речь идет о мужской любви?

— О человеческой. Я не говорю о гомосексуальной любви в крайнем проявлении. Я никогда не исключаю эту вероятность, но она не является основополагающей. Но нам в наше время настолько застит глаза секс, что мы забываем, что для ревности совсем не обязательно наличие сексуального начала. Можно очень страстно любить другого человека, не имея при этом сексуальной привязки. Понимаете, о чем я говорю? Мы просто зациклены на сексе.

— Простите, но вам самому знакомо чувство зависти?

— К сожалению, Господь постарался. Я мог бы солгать, конечно, но хочу сказать серьезную штуку про зависть: несложно признать, что ты ревнуешь, потому что ревность — это вопрос пары. И ты понимаешь, что ты, возможно, заменим. Но зависть... это настолько постыдное чувство, что мы предпочитаем ее не замечать в себе. Когда мы видим, как другой человек движется вверх по карьерной лестнице, практически невозможно не чувствовать, что его успех — это наши неудачи. И мы готовы признать любые собственные преступления, но зависть...

Я расскажу вам смешную историю. Одна-

жды утром я проснулся и радио было включено. Началась какая-то программа, и голос радиокomentатора сказал: "Сейчас, леди и джентльмены, специально для вас интервью с самым знаменитым театральным режиссером..." Я подумал: "Заткнитесь, вашу мать", — потому что началось: "Это очень знаменитый режиссер, он ставит спектакли по всему миру". Я подумал: "Господи, дайте поспать! Кто же это, твою мать? Какой-нибудь еще кретин?" И в конце концов комментатор сказал: "Дамы и господа, Деклан Доннеллан". Это интервью я дал радио Великобритании год назад. И я засмеялся, потому что мне это показалось божьим знамением, понял, что ревновал самого себя. Но Марина, вы же понимаете, что любой жизненный момент, когда ты ревнуешь или завидуешь, — это слишком личная штука, чтобы сказать это вашему диктофону.

— Вы известны тем, что в ваших шекспировских спектаклях играют только мужчины. Почему в последней премьере появились женщины?

— Дело в том, что я ставил полностью мужские спектакли только два раза в своей жизни, и их показывали в Москве. Но это не фетиш, просто в "Двенадцатой ночи" и "Как вам это понравится" есть сюжетные ходы о девочках, которые переодеваются в мальчиков, и мальчиках, которые переодеваются в девочек. Это и предрасполагает к мужскому составу.

— В таком случае трудно представить чеховских трех сестер в мужском исполнении. Ведь сейчас вы приступаете как раз к этой пьесе.

— Чехов, где играют только мужчины, мне казался бы очень странным, я даже не знаю, кто бы так стал ставить.

— Вы отдаете себе отчет в том, что "Три сестры" — самая расхожая пьеса на российских подмостках? Почему вы за нее беретесь?

— Поскольку я сейчас много работаю в России, мне показалось чистым извращением делать Чехова с английскими артистами. Простите, что я на вас наваливаю еще "Три сестры", но только три. Я больше не буду. У меня нет абсолютно никакого послания к человечеству, которое я хочу вложить в эту пьесу, я абсолютно ничего не хочу сказать этой постановкой. Но я ни "Двенадцатой ночью" ничего не хотел сказать, ни "Борисом Годуновым" не хотел ничего открыть миру. Просто когда ставишь пьесу, пытаешься ее поставить настолько хорошо, насколько можешь. Но, может быть, я больше для себя хочу поставить Чехова и хочу посмотреть, как Александр Васильевич Феклистов будет играть Вершинина.

— Как вы думаете, может быть, чеховским сестрам не нужно так было стремиться в Москву, в Москву? И все тогда остались бы живы?

— Может быть. Меня недавно кто-то из моих английских артистов спросил: "Господи, ну почему они просто не купят билет на поезд?" Это очень хороший вопрос, но нам всем тяжело уезжать из дома, даже если родители умерли, а ты уже живешь в другой стране. Почему же нам все никак не уехать в Москву?

— Я знаю, что вы намерены репетировать Чехова далеко от Москвы. Для чего?

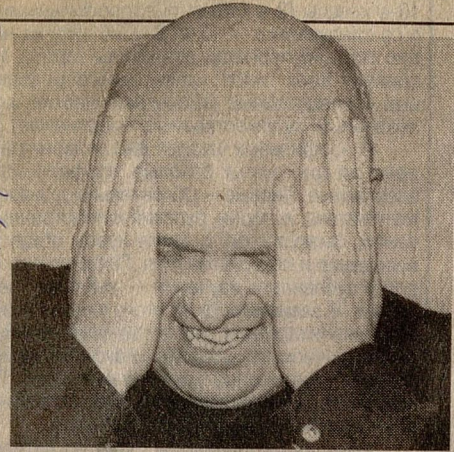
— В Москве такой безумный ритм жизни, что мне показалось хорошей идеей увезти артистов, дать возможность им расслабиться, притереться друг к другу. А в Москве... прекрасно играть спектакли. Для меня главное начать, чтобы артисты сначала уже знали текст. И не нравится начинать с разговоров, люблю, когда артисты страгиваются с места, как бы плохо это ни выглядело.

— Для этого что лучше — сломать артиста или любить его изо всех сил?

— Сломать — это не моя история. Я считаю, что страх на репетициях только мешает, и нет исключений из этого правила. Как режиссер ты всегда заложник уверенности в своих артистах, и максимум моей энергии уходит на то, чтобы заставить моих артистов почувствовать уверенность в себе. И для меня — можно подняться к дельте Нила, и все равно приходишь к истоку. А исток — это страх. Я почти миссионерски уверен, что артистам нужно помогать как можно больше не чувствовать страха во время репетиции.

Через несколько дней Деклан Доннеллан завершит кастинг русских артистов на "Трех сестер". Женский состав практически сформирован: Евгения Дмитриева, Ирина Гринева, Нелли Уварова, Виктория Толстогонова. Мужской — в процессе. Как только будет собрана труппа, она переедет в пансионат в Осташкове, что в Тверской губернии, где английский режиссер без кнута и пряника будет постигать российскую жизнь.

Марина РАЙКИНА.

МЫ ПРОСТО ЗАЦИКЛЕННЫ НА СЕКСЕ

— считает знаменитый английский режиссер Деклан Доннеллан

— Деклан, почему из всех шекспировских пьес вы выбрали "Отелло"?

— Настоящая причина — мы нашли прекрасного артиста на Отелло. Сначала я поставил со студентами королевской шекспировской академии "Короля Лира", и артист, которого я выбрал на Лира, был явно рожден для Отелло. У него есть все качества для этой роли — во-первых, он физически хорош для Отелло, во-вторых, в нем есть редчайшая смесь благородства и невинности. И пока мы репетировали "Лира", сразу же решили, что нужно делать "Отелло" и привезти его в Москву.

(Окончание на 4-й стр.)

Моск. комсомолец 2004-
15.06.04 - с.1, 4

15.06.04

Деклан Доннеллан

15.06.04